

Беседин Платон Сергеевич — прозаик, критик, публицист, автор повестей, романов и рассказов. Публиковался в журналах, газетах и коллективных сборниках в России, на Украине, в Германии — в таких, как «Дружба народов», «Новая юность», «Новый берег», «Бельские просторы», «Крешатик», «Радуга», «Литературная Россия», «Литературная газета», «Независимая газета», Московский комсомолец, «Известия» и др. Переведен на многие языки. Живет в Севастополе.

Платон БЕСЕДИН

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Рассказ

В такую жару лучше всего ехать троллейбусом. Иначе — не выжить. Душно, жарко. А в старом троллейбусе — почти благодать, столько щелей, что дует, кажется, отовсюду. Можно высунуть голову в окно — и так спастись от майских плюс тридцати.

Сколько же будет в июле? Раскочегарится солнце, приедут туристы, и станет вовсе невмоготу. Туристы почему-то всегда приезжают в Севастополь в июле. Умирать от зноя, купаться в подогретом молоке Чёрного моря, покупать втридорога фрукты. Если и отдыхать в Севастополе, то в мае или в сентябре. Лучше, наверное, в сентябре. Потому что в мае вода ещё не прогрелась. Это мне вчера после водки казалось, что она прогрелась, а сегодня — заложенный нос и опухшее горло.

Но ехать всё равно хорошо. Дребезжа стёклами, скрипя рессорами, матерясь кондуктором, троллейбус ползёт в горку. Справа — кирпичное двухэтажное здание, увитое плющом. Слева — мой родной университет. К нему ведёт кипарисовая аллея, прозванная студентами «Дорогой жизни» то ли из-за сессий, то ли из-за ветров. Раньше здесь был только ларёк с книгами, а сейчас — гастрономы, бары и палатки с шаурмой.

Выхожу на улице Меньшикова. Фёдор Меньшиков сражался против фашистов и погиб в последние дни второй обороны Сева-

стополя. Его нет в «Википедии», — там только актёр Олег, князь Александр, писатель Михаил и рэппер Андрей, известный как «Лигалайз», — но он есть на кубическом обелиске среди так называемых зеленых насаждений. Возле них сворачиваю на улицу Репина. Иду через дворы, мимо хрущёвки, на первом этаже которой покосившиеся буквы складываются в надпись «Гастроном». Тут и, правда, был гастроном. Школьниками мы покупали в нём жареные пирожки с рисом и яйцом. Теперь здесь магазин живого пива и разливных вин.

У входа лузгают семечки мужики. Прикидывают, чем опохмелиться. Один — тот, что с деньгами, — рвётся домой. Его держит мужик с Иисусом Христом на брюхе. Брюхо студенистое, изображение нечёткое. Да и сам мужик весь какой-то расхристанный.

Срочно опохмелиться, но не здесь. Пройти триста метров в кафе «Черноморочка». На двери висит поздравление с Днём Победы, написано от руки красным маркером. За дверью — пустота с запахом рыбы. Барменша атакует сразу, не дав прицениться:

— Вам чего?

— Пива.

— «Рогань» или «Сармат»?

— «Рогань».

— А «Сармата» всё равно нет, — пенная жижа медленно лезет в стакан. — К пиву бычков не желаете?

— Давайте.

Из-за рыбной вони пью на улице. Сворачиваю голову бычку, расслабляюсь. Ненадолго. Чужая рука — бледно-красная, взопревшая, словно креветка в супермаркете — на моей руке.

— Брат, дай на опохмел, а...

Рука-креветка принадлежит мужику в синей панаме. Лезу в карман, протягиваю мятые купюры, не успевая рассмотреть номинал. Судя по тому, что мужик спокоен, номинал невелик.

— Спасибо, брат! С праздником! С Днём Победы!

— И вас.

После донецкого пива и черноморских бычков отыскать нужный подъезд — не проблема.

Валерий Абрамович живёт на третьем этаже, квартира номер 24. Поднимаюсь быстро, чтобы не пропитаться миазмами сырости и мочи. На лестничной площадке, между вторым и третьим этажами, валяются шприцы. В пластиковых колбочках — остатки крови. Кровь и на стене, изрисованной свастиками.

Дверь, обитую старым кожаном, открывает старик, высохший, сгорбленный, с коленями в разные стороны. На нём праздничный мундир, увешанный орденами, похожими на леденцы. Из квартиры прёт затхлостью.

— Алексей? — голос у старика тихий, усталый.

— Здравствуйте, Валерий Абрамович, с праздником вас!

— Спасибо, проходите...

Валерий Абрамович семенит в глубь квартиры. Обои на стенах бледно-жёлтые, чахоточные, точно у Раскольниковца в комнатешкафу; углы отвоевала чёрная плесень. Одна из стен занята полками с книгами: классика, философия, коммунизм, но больше всего книг о войне — вроде «Небо войны» Покрышкина или «В походах и боях» Батова.

Рассаживаемся.

— Ну, — Валерий Абрамович старается устроиться в кресле поудобнее, — с чем пожаловали?

Повторяю то, что сказал ему в телефонной беседе. Задание главного редактора — подготовить материал о том, как ветераны встречают День Победы.

— Как встречаю? Сами видите... вот школьники приходили, — показывает на пять красных гвоздик в трёхлитровой банке.

«Надо было купить цветы. Почему не купил?»

Валерий Абрамович теревит край застиранной скатерти. Руки у него в набухших венах, словно пластиковые трубки капельниц.

— Недавно жену схоронил. Прожили пятьдесят восемь лет, и схоронил. Умерла два месяца назад. Дочка приехала, говорит, давай, папа, к нам, — они с мужем и внуками в Саратове, — но я не хочу. Квартира у них небольшая, особо не развернешься. Тридцать шесть лет прожил здесь, здесь и умирать. Быстрее бы...

— Ну что вы, Валерий Абрамович, вам ещё жить и жить...

— Ой, не дай бог! Это вам молодым жить. Вы, Алексей, женаты?

— Был...

Вспоминаю развод после года брака: упреки, обвинения, суд и жуткую бородавку на переносице судьи — спелая чёрная шелковица, вся из крошечных гранул. Когда спрашивают о причинах — отвечаю стандартно: не сошлись характерами.

Но Валерий Абрамович не спрашивает. Он предлагает чаю, хочет встать. Руки и голова его трясутся. Успокаиваю, прошу сесть.

«Надо было купить что-то к чаю. Почему не купил?»

— Валерий Абрамович, расскажите, как воевали, пожалуйста.

— Да, да, конечно, — он мнётся, — мне только надо принять лекарство...

— Вам подать?

— Я сам, — он, скорчившись, поднимается, — пока сам.

Берёт с полки таблетку, глотает, запивает мутной водой. Говорит:

— Пока вспомнил — потом забуду. Раньше Люленька контролировала, а теперь некому. Учёт вела, когда и что я принял, — протягивает мне тетрадку, в ней записи мелким убористым почерком. — Вы о боевом пути спрашивали...

Валерий Абрамович медленно опускается в кресло. Бледнеет, вытягивает ноги толщиной с мою руку. Растирает колени, начинает рассказ. Будто справку в некролог пишет. Скупными, бесцветными фразами.

Родился в селе Заплавное, под Сталинградом. Отца как «врага народа» арестовали в тридцать девятом. Отправили в посёлок Ягодное, под Магаданом. Больше отца не видел. Двадцать второго июня стук в избу. Началась война.

Мать пошла санитаркой в госпиталь. Под него оборудовали школу. Стало негде учиться, решили собираться в амбаре. Читали, считали — под керосинкой. Потом Абрама Яковлевича, учителя, арестовали.

Позже в Заплавном размещался полк. Прибился к солдатам. Пошёл добровольцем на фронт, в Сталинград. Голод, холод, руины, трупы. Всё время было светло, даже ночью. Непрерывно обстрелы и бомбёжка. Когда наши стали давить, потерял бдительность — контузило миномётным осколком.

Госпиталь. Смерд, крики. Негде хоронить трупы. Выздоровел, на фронт. Пленён под Данцигом. Четыре месяца в немецком концлагере. Пытки, голод. Из полицаев особенно зверствуют мадьяры.

Когда фашисты поняли, что проиграли, стали расстреливать заключённых. Спас немец Пауль: вывел за ворота, думал, что ему зачтётся. Может, и зачлось.

После фашистского плена — проверки на благонадёжность. Молодой лейтенантис с усиками щёткой решил, что не благонадёжен. Вновь — концлагерь. Теперь уже родной. Восемь лет лагерей. Амнистировали при Хрущёве.

Женился, служил на флоте. Всё время переезды. Благовещенск, Куйбышев, Архангельск, Петропаловск-Камчатский, Хабаровск. Родились мальчик и девочка. Спать негде. Спят в чемодане. Много клопов. Коммуналки, коммуналки.

Потом, наконец, дали двухкомнатную в Севастополе. Эту. Демобилизовался из-за сталинградской контузии. Устроился работать в институт. Дочь вышла замуж, удачно, живёт в Саратове. Сын женился, неудачно, где-то на Севере.

Жили вместе с Люсенькой. Доживали. А теперь одному доживать. Без неё.

Вот и вся его жизнь — в минутах тусклых перечислений. Но для статьи вполне хватит. Выйдет на одной полосе с рекламой средства от геморроя или анонсом очередного целителя. Хотя лучше написать рассказ. Или повесть. Для себя. Для него. Хочется, требуется писать вновь. Спустя два года после клятвы не прикасаться к литературе.

Нет, я не забыл усмешек знакомых, издёвок жены, отказов журналов. Бессонницу, форточку, сигареты. Не забыл ощущения затрав-

ленности. Когда те, кто не смог выучить таблицы умножения и прочесть букварь, становились хозяевами жизни. И мне было пора, но я всё не решался, идеализировал, а потом уже и не мог.

Неужели опять? Ведь обещал же себе. Убеждал, доказывал, клялся.

Надо уйти, бежать от старика, избавиться от его прошлого, которое так настойчиво лезет в моё настоящее. А он, избавленный от одиночества, всё говорит. Наверное, принимает моё смятение за сочувствие.

— Днём, Алёша, тяжесть собственного тела, а ночью — тяжесть мыслей. И почему-то одна мерзость в голову лезет. Не спишь, ворочаешься. И всё как на ладони: что сделал плохого и чего хорошего сделать не смог...

Замолкает. Выражение лица становится ещё более извиняющимся.

— Простите старика — разоткровенничался, — нет, он всё понимает. — Вам, наверное, пора?

— Да, пожалуй, пора.

Поднимаюсь. Валерий Абрамович встать не может. Придерживая за локти, помогаю подняться. Он пахнет водой, застоявшейся в раковине. Начинает подташничать. Хочется быстрее домой, сидеть за бутылкой вина, расслабляться.

Холодильник «Минск» в прихожей шумит и мешает прощаться. Впрочем, тем легче — избавляет от необходимости быть многословным.

— Спасибо, Валерий Абрамович, — топчусь в дверях. — Выйдет заметка — пришлю. Или зайду...

— Лучше зайдите, — он смущается, — почта что-то плохо работает.

— Хорошо, зайду, а вы, — подбираю слова, — не болейте, держитесь. Здоровья, долголетия вам.

— Упаси Бог, Алёша, — отмахивается, — нет сил жить. Быстрее бы. Понимаете?

Сжимает мне руку. Вздрагиваю от неожиданности. Руки у него сухие, холодные, безжизненные. Взгляд, наоборот, цепкий, пристальный, испытующий. В нём читается ясная мысль, которой он живёт последние месяцы. Давно всё решил для себя. Потому и отверг предложение дочери переехать.

— Понимаю, зайду...

Мои слова звучат обещанием. Чего-то более весомого, нежели просто зайти.

Улица, раскатывающая духотой и зноем. Будто ползёшь в свежесваренном киселе. Тем отчётливее воспоминания, мысли. И ничего — кроме горечи во рту, в ощущениях.

Чем моя справка жизни отличается от справки Валерия Абрамовича? Ещё скупее, ещё тусклее. И не за что ухватиться в прошлом.

От чего живу так бессмысленно? Точно пишу заказную статью на скорую руку. Вечером уверяю себя, что надо быть сильным. Утром просыпаюсь, молюсь, ем — держусь. Но одна лишь мелодия, взгляд, и сломано всё прежнее, решительное. Чужое это всё, не моё, не со мной, не отсюда. И оцепенение, парализующее, убийственное. Подари, Господь, утешение! Или хотя бы Суд Твой. Чтобы быстрее всё это закончилось.

Наверное, ему, старику, ещё хуже. И надо помочь. Не ему — себе. Вернуться — растворить в его отчаянии собственное. И так отыскать утешение.

Открывая дверь, Валерий Абрамович суетится с цепочкой. Наконец, справляется.

— Вы что-то забыли, Алексей?

Пытаюсь улыбнуться.

— С праздником, Валерий Абрамович, — протягиваю букет полевых цветов, — давайте, может, чаю попью, я печенья купил...

Из глубины квартиры приглушённо доносится: «Этот День Победы порохом пропах, этот праздник со слезами на глазах...»

И правда, едва не пропустил.

Севастополь

